

АВАНТЮРА

*Павел Михненко***Граница**

Июньское утро выдалось холодным и хмурым. По низинам тяжелым пуховым одеялом стелился серый туман. Где-то нестройным хором верещали просыпающиеся лягушки. Тянуло болотной сыростью. Невероятных размеров комары, обнаглев от безнаказанности, впивались в тело через сырую гимнастерку. То, что машина двигалась, им не мешало.

Лейтенант Ивушкин хлопал себя ладонью по бокам, нервно дергал плечами и ругался вполголоса.

Ухабистая дорога замысловато петляла по молодому лесу. Влажные ветви низкорослых осин лениво хлестали по лобовому стеклу старенькой полуторки. Грузовик надсадно хрипел и жалобно позвякивал петлями. Ящики с провизией подпрыгивали на каждой кочке, норовя побольнее стукнуть забившегося в угол кузова лейтенанта. Он заботливо прижимал к животу пухлый портфель, то и дело озабоченно посматривая на стоящий рядом туго набитый мешок с сургучной печатью на тесемочках.

Машина сбавила ход. В приоткрывшуюся дверь в очередной раз выглянул усталый водитель.

— Товарищ лейтенант, — протянул он, растягивая слова, — да уж сели бы в кабину. Ну чего же в кузове-то трястись? Дорога вон какая...

— Я вам уже сто раз говорил, товарищ Ерохин, что не положено, — ломаным мальчишеским баском ответил Ивушкин, насупив для солидности брови. — Я не могу оставить документы, а в кабину они не помещаются.

Дорога нырнула в пологую балку, сплошь затянутую туманом.

— Ни черта не видать, — ругался в усы Ерохин. Со скрежетом включил первую передачу, и полуторка, завыв, начала медленно продвигаться вперед, раздвигая капотом липкий туман. Через минуту машина выбралась из низины и остановилась.

— Что там, Ерохин? — крикнул из кузова лейтенант.

— Да дорога, едрит ее за ногу...

— Чего дорога? — Ивушкин приподнялся на колено, выглядывая из-за кабины.

— Раздваивается.

— И куда нам? В какую сторону?

— А хрен ее знает, — тихо сказал Ерохин и бодро крикнул: — Разберемся, товарищ лейтенант! Сейчас поедем!

— Погодите, Ерохин, — крикнул Ивушкин, — я выйду.

— Глушить, что ли?

— А?.. Да, глушите и сюда подойдите, пожалуйста.

Водитель выключил двигатель, спрыгнул на дорогу. Повисла тишина, только вдалеке урчали лягушки да над ухом тянули свою песню «Ку-у-ум, ку-у-ум» одуревшие от запаха человеческих тел комары. Ерохин смачно хлопнул себя по шее, потянулся — «Эх, хорошо!», заправил под пояс гимнастерку.

— Спускаться будете, товарищ лейтенант?

— Да. Идите сюда, Ерохин. Будете охранять документы, мне отойти надо... ненадолго.

— Все понял, не волнуйтесь, товарищ лейтенант. — Ерохин проводил Ивушкина грустно-насмешливым взглядом, присел у колеса. Не спеша свернул самокрутку. «Эх, командир... Пацан совсем. Небось в военкомате годка два себе приписал. Мой тоже, того гляди, сбежит, мать не удержит. Да...»

Ивушкин сошел с дороги и пошел в глубь леса, отыскивая подходящие кустики. Время от времени он останавливался и прислушивался. Ответственность за вверенный ему важный груз тяжелым камнем давила на неокрепшие юношеские плечи. Вот уже два месяца как он на фронте. Пока, правда, не на передовой, но все же... Места здесь, говорят, не спокойные, немецкие диверсанты шарят. Ищут что-то. «Эх, встретился бы мне один такой...» Рука машинально нащупала новенькую кобуру.

Ивушкин осмотрелся по сторонам и начал расстегивать галифе.

Неожиданно до его слуха долетел странный звук. То ли приглушенный стук, то ли топот — «та-там, та-там, та-там» — раздавался откуда-то из глубины леса. Не с дороги. Ивушкин нервно застегнул непослушную пуговицу. Звук приближался. Лейтенант осторожно раздвинул тяжелые сосновые лапы. Стараясь не дышать, сделал несколько шагов и наконец вышел на довольно большую поляну. Она тянулась наискосок к западу и полого уходила вниз, упираясь в густой кустарник. Звук шел с противоположной стороны поляны.

Ивушкин присел за куст. Теперь он отчетливо различал топот конских копыт. Осмотрелся. Справа над кронами деревьев возвышалось какое-то строение. Серая металлическая крыша напоминала купол парашюта. Высокий ребристый шпиль, торчащий из ее вершины, был увешан белыми и зелеными дисками в форме огромных неглубоких тарелок. Ивушкин удивленно рассматривал здание. Если верить выданной в штабе карте, здесь не должно быть никаких населенных пунктов. Неужели заблудились?!

Всадник показался как-то неожиданно. Ивушкин вздрогнул...

Черный низкорослый конь с длинной нечесаной гривой шел рысью, пригнув голову к земле. Время от времени он поднимал верхнюю губу, оголяя длинные желтые зубы. Наездник сидел, немного завалившись назад и выставив вперед ноги в стременах. Очень смуглая кожа и узкие черные глаза указывали на восточное происхождение. Широкая меховая шапка с острым верхом была вся изодрана и висела грязными лохмотьями. Теплая, отороченная серым мехом фуфайка крест-накрест затянута кожаными ремнями. На левом боку — длинная кривая сабля в ножнах, украшенных тусклыми камнями. К седлу привязан небольшой кожаный мешок.

Ивушкин почувствовал запах конского пота. Отстегнул пуговку кобуры, положил ладонь на холодную пистолетную рукоятку. Незнакомец выглядел странно, имел оружие, но на немца похож не был. Это наблюдение немного успокоило разволновавшего лейтенанта. «Может, татарин какой-то?» Вытащив на всякий случай пистолет, он встал и вышел из-за куста.

Всадник не заметил его, но конь зафыркал и замотал головой. Татарин натянул поводья, припал к гриве, затем распрямился и тоже закрутил головой, по-звериному раздувая широкие ноздри. Наконец он увидел стоящего у куста человека. Оскалив редкие коричневые зубы, он выхватил из ножен кривую саблю и занес ее в сторону. Из его горла вырвался хриплый нечленораздельный возглас.

Ивушкин попятился, стараясь попасть мокрым от нахлынувшего пота пальцем по собачке предохранителя. Всадник взмахнул саблей и поднял коня на дыбы.

— Эй-эй, слышишь, стоять, тебе говорят! — срывающимся голосом завопил Ивушкин и трясущейся рукой направил пистолет на незнакомца. — Стрелять буду!

Татарин осадил коня и, склонив голову набок, удивленно посмотрел на лейтенанта.

— Хайда гыл руз?! — выкрикнул он. Ивушкину показалось, что в этом возгласе прозвучали вопросительные нотки.

— Чего? — выдавил он из себя, продолжая направлять пистолет на странного седока. — Ты кто?

— Хайда гыл руз?! — повелительным тоном повторил незнакомец и, слегка ударив коня плеткой, стал приближаться.

— Стоять, я сказал, стрелять буду! — не своим голосом заорал лейтенант.

Всадник стегнул коня по мокрому боку. Ивушкин не успел сообразить, что происходит. Черная масса, источая невыносимую вонь, оказалась перед самым носом. В воздухе что-то взвизгнуло. Верхушка молодого дубка

упала под ноги окаменевшего от страха лейтенанта. Всадник захохотал клокочущим смехом, запрокидывая голову. Лейтенант машинально взмахнул рукой вверх и нажал на спусковой крючок. Громыхнул выстрел. Конь дернулся, поднялся на дыбы, едва не задев Ивушкина. Не ожидавший этого всадник широко взмахнул руками, схватился за гриву и боком повис в седле.

— Лейтена-ант! Эй! — раздалось со стороны дороги.

Ивушкин отскочил в сторону, напорвшись щекой на острую ветку кустарника, упал на колено. Боковым зрением успел заметить, что наездник осадил перепуганного коня и недоуменно завертел в плечи головой.

— Ерохин! — позвал лейтенант.

— Иду! — раздалось из-за деревьев.

Совладав с испугом, татарин страшно оскалил зубы и, зарывчав, снова взмахнул саблей. Было видно, что на этот раз шутить он не собирается...

В следующее мгновение раздался хлопок. Что-то темное пролетело над верхушками кустов, и огромная сеть накрыла всадника вместе с конем. По ногам коня ударили тяжелые грузила, он замотал головой, попытался лягнуть невидимого противника, но только сильнее запутался в плотной, словно стальной сети. Татарин что-то закричал, пытаясь разрубить сеть саблей. Снова раздался хлопок, и вторая, на этот раз мелкоячеистая, сеть обрушилась на воинственного всадника. Конь рухнул на землю, подминая под себя седока.

— Я здесь! — Ерохин выскочил на поляну, остервенело дергая заклинивший затвор винтовки. — Живой?!

Бледный как смерть лейтенант смотрел на своего водителя широко раскрытыми глазами.

— Чуть не зарубил, гад...

Неожиданно, как из-под земли, выскочили три человека, с головы до ног затянутые в зелено-коричневые маскировочные комбинезоны. В руках у одного из них было странное приспособление, отдаленно напоминающее ручной пулемет с очень широким стволом. Двое других были вооружены короткими автоматами. Один из них подбежал к яростно вырывающемуся из пут татарину и, несильно размахнувшись, ударил его прикладом по голове. Тот сразу обмяк. Конь продолжал судорожно биться на боку, все больше подминая хозяина.

— Немцы! — прошептал Ивушкин, хватая Ерохина за рукав.

— Не стрелять! — раздался короткий и твердый приказ. — Свои!

— Братцы, свои, что ли? — воскликнул Ерохин.

— Свои-свои. Тихо! Винтовку опусти.

— Товарищ лейтенант, кажись, наши, — весело сказал водитель. — Вы это... вы пистолетик-то опустили бы, а то пальнет ненароком.

Ивушкин нерешительно опустил пистолет, но в кобуру не убрал — мало ли... Пятнистые спасители молча связали орущего всадника. Храпящего коня осторожно взяли под уздцы.

— Капитан Шмель, — коротко приложил руку к виску один из спасителей. — Командир отряда особого назначения.

— Лейтенант Ивушкин. Штаб двадцать четвертого... — начал было

Ивушкин, но осекся и спросил: — Простите, товарищ капитан, а можно... ваши документы.

Ерохин бросил на своего лейтенанта укоризненный взгляд. Ему очень понравились эти молчаливые и, похоже, знающие свое дело ребята в странных комбинезонах. Но человек, представившийся капитаном, улыбнулся уголком рта и тихо сказал:

— Да можно, конечно... Только не в этом дело.

Он растегнул какую-то странную застежку на комбинезоне, порывлся рукой во внутреннем кармане и достал пачку документов. Просмотрел разноцветные корочки, протянул одну из них лейтенанту. «Капитан Шмель. Командир третьего отряда особого назначения в/ч 35551» — прочитал Ивушкин. Кивнул и вернул удостоверение владельцу.

— Все в порядке? — тихо спросил капитан.

— Да, — неуверенно ответил Ивушкин и растерянно покосился на Ерохина. Все это казалось ему подозрительным. Почему капитан не потребовал документы у него? — А кто это? — спросил он капитана, кивнув в сторону успокоившегося всадника.

— Это? — оглянулся Шмель, как будто только сейчас заметив странного седока. — Да так, наверное, забрел не туда. Вы ведь тоже заблудились немало?

— Да, есть малость. Там дорога... — заулыбался Ерохин, на минуту забыв о субординации.

— Дорогу вам покажут, — тихо прервал его капитан. — А если вдруг опять что-нибудь необычное увидите, лучше уходите по-тихому. Не ввязывайтесь.

Лейтенант с готовностью кивнул.

— Разрешите идти, товарищ капитан?

— Идите.

Ивушкин снова кивнул. Потом вздрогнул как от удара и, повернувшись к своему водителю, закричал чуть не плача:

— Ерохин! Вы почему пост оставили?! Там документы!

— Вот те раз, — выпучил глаза боец. — Так я ж думал, вас тут убивают.

— Ну и что? Документы важнее. Идемте скорее!

Капитан улыбнулся и, подозвав одного из своих, сказал:

— Сергей, проводи их. У них машина там.

Вдруг откуда-то сверху пришел тяжелый гулкий рокот. Ивушкин испуганно задрал голову. Большой темно-зеленый аппарат вывалился из-за леса и начал нехотя набирать высоту. Он летел так низко, что Ивушкин успел разглядеть на его борту три цветные полосы: белую, синюю и красную. Самым странным было то, что у летящей машины напрочь отсутствовали крылья, лишь сверху тускло поблескивал диск огромного вращающегося винта. Винт поменьше вертикально вращался и на длинном узком хвосте. Ерохин тоже запрокинул голову и, удивленно причмокивая губами, из-под руки рассматривал диковинную машину.

— Воздух! — страшным шепотом произнес лейтенант.

Капитан почему-то выругался матом и добавил:

— Не волнуйтесь. Это наш...

— Мать моя! Это как же она летает-то? — спросил Ерохин, ни к кому конкретно не обращаясь.

Бескрылая машина растворилась в облаках. «Чтобы это могло значить? — мучительно думал лейтенант. — А вдруг все-таки немцы? Диверсанты. Под наших маскируются? Что делать?»

Капитан что-то быстро шепнул своему человеку и повернулся к Ивушкину:

— Так, все. Идите, вас проводят. Поедете туда, куда вам покажут.

Через пять минут Ивушкин снова трясся в кузове своей полуторки. «Странно все это, очень странно, — думал он. — Надо обязательно доложить кому следует».

Он только сейчас понял, что так и не успел справиться малую нужду...

Поезд остановился на маленькой станции. Серый каменный забор тянулся в бесконечность. Рассветное солнце апельсиновым соком заливало крыши одноэтажных домишек и кроны старых яблонь.

Климов спрыгнул на разбитый перрон, осмотрелся. Утренний холодок залез под воротник его новенькой военной рубашки. Оглянувшись на медленно отходящий поезд, взвалил сумку на плечо и не спеша пошел к зданию станции.

— Товарищ лейтенант! — услышал он и слегка вздрогнул от неожиданности. Обернулся. Парень в коричневой кожаной куртке быстрым шагом направлялся в его сторону. — Ваша фамилия случайно не Климов?

— Ну, да, — растерянно ответил Климов.

— Служить к нам приехали? Я за вами. Сергей Гурин, — протянул руку мужчина. — Как добрались?

— Нормально.

— Пошли, там машина...

Климов недоверчиво посмотрел на собеседника и, слегка прищутив глаза, сказал:

— Документы покажите, пожалуйста.

— Документы? — еще шире улыбнулся мужчина. — Ишь ты, какой серьезный.

Он достал из внутреннего кармана удостоверение.

— Капитан Гурин, федеральная пограничная служба... — шевеля губами, прочитал Климов. — Все в порядке, товарищ капитан. Извините, а то мало ли что? Вот мое удостоверение.

Он достал из кармашка рубахи новенький документ.

— Да убери ты! — хлопнул его по плечу Гурин. — Вот формалист!

— Я думал, у вас тут... — надулся Климов.

— Да все у нас тут путем.

— Звать-то тебя как?

— Андрей.

— Только что академию закончил?

— Месяц назад.

— Ну, пошли! Ехать далеко.

Машина, подпрыгивая на кочках, ехала по узкой улице мимо одноэтажных деревянных домиков с металлическими и шиферными крышами. В палисадниках, огороженных низкими заборчиками, золотились яблоки и груши, мелкие темно-синие сливы россыпями валялись прямо на земле. Белые куры деловито копошились в пожелтой траве под присмотром грудастых петухов. В открытое окно салона ветер заносил запахи травы и навоза.

— Далеко нам, товарищ капитан? — спросил Климов, рассматривая поселок.

— Сергей меня зовут, — повернул голову Гурин. — А ехать порядочно, покамарь пока, если хочешь.

— Да я не устал.

Гурин молча кивнул.

— А почему пограничная служба?.. — снова спросил Климов.

Гурин повернулся к нему, обхватив рукой спинку сиденья.

— А что тебя удивляет?

— Ну, я не знаю... Тут же границы-то вроде бы нет, — пожал плечами Климов и изобразил смущенную улыбку.

— Это точно — вроде бы... Не торопись, все узнаешь.

Тем временем поселок закончился, машина выехала на грунтовую дорогу. Она петляла через широкий луг, заросший высокой травой. В желтых зарослях зверюба резвились крошечные птички. Впереди тонкой полосой чернел лес. Солнце уже высоко поднялось над горизонтом, стало даже жарко.

Через двадцать минут машина пересекла мост через узкую речушку и въехала в лес. Большой металлический щит тревожными красными буквами извещал о том, что дорога ведет в закрытую зону. «Въезд строго по пропускам!» Металлические ворота КПП возникли сразу же за поворотом в густых зарослях осин и сосен. Климов заметил три небольшие камеры наружного наблюдения. По верху утопающего в зелени металлического забора вилась спираль колючей проволоки. «Под напряжением, наверное...» — подумал он.

Водитель посигналил. Слева от машины неожиданно появился, словно вырос из-под земли, боец в камуфлированном комбезе, зеленом берете, со складным «Калашниковым» наперевес. Маленькая рация потрескивала у него на груди. Гурин протянул солдату пропуск. Боец вопросительно посмотрел на Климова.

— Давай удостоверение, теперь самое время, — улыбнулся Гурин.

Климов передал дежурному документы. Тот внимательно изучил их, еще раз посмотрел на Климова и, видимо, удовлетворившись результатами осмотра, кивнул. Водитель включил передачу, и уазик покатиł дальше.

Когда дорога вынырнула на широкую поляну, Климов заметил вдалеке невысокую — метра два — стелу с бронзовой табличкой у основания. Наверху — красная звездочка. Перехватив его взгляд, Сергей сказал:

— Бои здесь шли. Какая-то группа разведчиков погибла. Все до одиного. Памятник в пятидесятых годах поставили...

Уазик пробирался по грунтовке, то ныряя в густой лес, то выезжая на открытые участки, изрезанные глубокими оврагами. Под заунывное гуде-

ние двигателя Климов задремал. Он время от времени вскидывал голову и моргал, стараясь не уснуть совсем, но так и не смог совладать со сладкой истомой.

Дача... Мама печет душистые пирожки с тушеной капустой, напевая себе под нос веселую песенку, а они с отцом сидят на подоконнике и с нетерпением ждут завершения таинства. За окном щебечут птицы, ветер шуршит листвой молодых яблонь. «Чем сидеть без дела, пошли бы в сад, — говорит мама. — Вон кусты как разрослись...» Кусты, кусты...

Климов вздрогнул и открыл глаза. Узик ехал по лесной дороге. Водитель как-то странно налегал на руль, будто стараясь вывести машину из глубокой грязи, хотя дорога была сухой и ровной.

— В кусты, в кусты я сказал! — страшным шепотом командовал Гурин.

— Да понял я, товарищ капитан, — с натугой ответил солдат, сосредоточенно вращая руль.

— Глуши! — все также тихо сказал Гурин, когда машина остановилась в густом кустарнике.

Климов потер глаза и, потянувшись вперед, спросил:

— А что случилось?

Гурин резко повернулся к нему и прижал палец к губам — тихо! Климов замер, неловко изогнув шею. Гурин опустил руку за пазуху и вытащил пистолет. Шепнув «Сидите здесь!», он осторожно открыл дверцу и сполз в траву.

Климов почувствовал, как кровь приливает к голове. Он коснулся пальцем плеча водителя и прошептал:

— Эй, слышишь, чего это он?

— Тише, товарищ лейтенант, — сделав страшные глаза, едва слышно сказал солдат.

Где-то в стороне хрустнула ветка, послышались голоса. Климов прислушался, ему показалось, что говорят на немецком. Голоса приближались. Теперь он отчетливо слышал, что говорят двое, даже различил несколько слов: один говорил что-то о реке, второй отказывался, испуганно повторяя «нет-нет, нельзя».

Климов прильнул лбом к стеклу, вглядываясь вдаль сквозь ветви кустарника. Когда голоса стали хорошо слышны, он увидел одного из говорящих. Это был высокий худой мужчина в зеленовато-сером костюме и нелепой шапочке, напоминающей пилотку. Одну руку он держал согнутой в локте, словно придерживая висящую на плече сумку. В другой он держал ветку, которой время от времени помахивал перед лицом, отгоняя комаров. Мужчина всего на пару мгновений показался в поле зрения Климова, второго видно не было. Потом голоса стали тише и смолкли совсем.

Гурин появился неожиданно — бесшумно открыл дверцу и скользнул внутрь.

— Все нормально, — тихо сказал он, но в его глазах читалось волнение.

— Откуда здесь-то?.. — удивленно спросил водитель.

Гурин пожал плечами:

— Ладно, двигаем помаленьку.

Узик заурчал и тронулся с места.

- Сергей, — подал голос молчавший до этого Климов, — а кто это был?
Гурин кисло улыбнулся:
— Да так, грибники какие-то.
— Прямо из Германии к нам по грибы приехали?
Гурин мотнул головой.
— Говоришь по-немецки?
— Немного.
— Ну, вот и хорошо. Пригодится.
— Уже сообразил...

Дальше они ехали молча. Гурин, по всей видимости, не имел права или не считал нужным что-либо рассказывать, Климов не хотел расспрашивать.

«Дела у них тут, похоже, интересные, — думал он. — Тот немец, он же не с сумкой был — «шмайсер» у него на левом плече болтался, как пить дать. Объяснят. Если позволено...»

Решив до поры до времени не мучить себя пустыми предположениями, Климов повернулся к окну и занялся изучением пробегающего ландшафта.

Через несколько минут машина подъехала ко второму КПП. Здесь повторилось то же самое, что и на первом. Только дежурный на этот раз оказался более приветливым — он улыбнулся Климову и произнес с легким северным акцентом: «Добро пожаловать, товарищ лейтенант».

Среди зеленых зарослей виднелась куполообразная металлическая крыша с ребристым шпилем, увешанным тарелками антенн.

«Здравствуй, дорогая мамочка! Вот выдалась свободная минутка, и я, как всегда, сразу же села писать тебе письмо.

У меня все хорошо. Никто меня тут не обижает, не волнуйся, пожалуйста. Мы с девчонками почти все время проводим в классе. Скоро экзамен. Я уже настоящая радистка. Майор Лукичев, начальник нашей школы, все время хвалит меня и ставит всем в пример. Вчера на утреннем построении он сказал: «Если бы у нас все так учились, как Мешкова, то мы давно бы уже в Берлине были». Прямо так и сказал, представляешь?

Кормят нас хорошо, я даже поправилась на два килограмма.

Как у тебя дела? Помогает ли тебе дядя Леша? Не голодаешь ли?...»

— Мешкова!

Настя встрепенулась и быстро перевернула лист.

— Жениху пишешь?

— Никак нет, товарищ капитан, маме.

Она быстро сунула письмо в планшет и встала, привычным движением расправляя юбку.

— Потом допишешь, — сказал капитан. В его глазах мелькнула тень беспокойства. — Тебя Лукичев вызывает. Иди.

— Есть, товарищ капитан.

Бывший кабинет председателя сельсовета служил начальнику школы и рабочим местом, и домом. Настя постучала в дверь.

— Войдите.

У окна стоял старый дубовый стол с тяжелой малахитовой чернильницей. У входа на гвозде — совсем новая плащ-накидка и пыльная фуражка. Рядом, на низенькой табуретке — ведро с водой и железная кружка. В углу — по-военному аккуратно заправленная железная кровать. Лукичев как-то неловко расположился на ее уголке, а за его столом сидел тучный майор в застиранной гимнастерке.

— Товарищ майор, курсант Мешкова по вашему приказанию прибыла.

— Проходи Анастасия, знакомься — майор Трофименко из штаба двадцать четвертой дивизии.

— Курсант Мешкова. Здравия желаю, товарищ майор.

Трофименко молча кивнул, разглядывая Настю с ног до головы.

«Чего уставился, боров толстый!» — злобно подумала она и машинально одернула юбку вниз, прикрывая колени.

Боров повернулся к Лукичеву и снова кивнул. Начальник школы вскочил как ужаленный и со словами «Ну, не буду вам мешать» быстро вышел из комнаты. Настя проводила его растерянным взглядом.

— Проходите, садитесь, — прохрипел толстый майор. Казалось, что в горле у него застрял горячий кисель.

Настя неуверенно покосилась на кровать и сжала губы. Перехватив ее взгляд, майор наклонился, с грохотом выдвинул из-под стола табурет и подтолкнул вперед. Настя присела на краешек.

— Меня зовут Иван Александрович, — начал Трофименко. — Я заместитель начальника армейской разведки.

Настя кивнула.

— Майор Лукичев охарактеризовал вас как одну из лучших радисток школы. Не собираюсь ходить вокруг да около. Мне нужна хорошая радистка... молодая, красивая девушка.

У Насти на щеках выступил румянец.

— Служба предстоит тяжелая и опасная, — продолжал майор. — Вас, безусловно, могли бы назначить в приказном порядке, но я хочу, чтобы сами все взвесили и подумали.

— О чем подумала? Об опасности? — гордо вскинула голову Настя. — Я на фронт не развлекаться шла.

— Да погоди ты... — неожиданно перейдя на «ты», махнул рукой Трофименко. — Все вы смелые. Ты выслушай сначала. Мне нужен человек, и я его, то есть ее, найду. Не тебя, так кого-нибудь еще. Но я должен быть уверен, что этот человек сможет сделать то, что от него потребуется.

Настя молча теребила краешек гимнастерки.

— Все о чем я сейчас скажу — военная тайна. Поняла? — Она быстро кивнула. — За разглашение — расстрел. — Настя вздрогнула. — Мне нужна радистка для работы в немецком тылу...

— Аномальная зона появилась три года назад... Хотя лично я думаю, что про нее вообще нельзя сказать «появилась», — начал свой рассказ Сергей. — По-видимому, зона существовала всегда. Понятие времени для нее име-

ет совершенно особый смысл. Не тот, к которому мы привыкли. Дело в том, что она сама представляет собой дыру во времени, точнее — канал. Канал между несколькими временными периодами существования нашего мира. Правильнее было бы сказать, что это мы вместе с нашим временем добрались до очередной дыры...

Климов болезненно поморщился:

— Прости, Сергей, ты это специально?..

— Что специально?

— Ну, рассказываешь так, чтобы я ни черта не понял? Это тоже требование секретности?

Сергей кисло улыбнулся:

— Понимаешь, Андрей, я-то как раз очень стараюсь, чтобы ты все понял. Просто пока все наши знания о зоне крайне поверхностны. До всего приходится доходить своим умом. Иногда — с риском для жизни. Потому я не могу объяснить толком. Наше дело — не в причинах разбираться, этим пусть ученые занимаются. Наше дело — границу на замке держать, чтобы ни одна тварь...

— Ну хорошо, давай попробуем еще раз, — предложил Климов. — Что значит — канал между несколькими... как ты сказал?

— Временными периодами, — закончил за него Сергей. — Для начала скажу, что это всего лишь термин, который придумал кто-то из первых исследователей этой чертовой дыры. Но он самый простой и, похоже, самый правильный. Зона имеет площадь примерно двенадцать гектаров. Сплошной лес. За рекой — луг, дальше две деревни: Ивантеевка и Лыкино, пять километров севернее — городок Ихтинск, где я тебя на станции встречал.

Климов кивнул.

Сергей прищурил глаза и продолжил:

— Три года назад один ивантеевский дедок прибежал в милицию и заявил, что ходил в лес по грибы и встретил там трех фашистов. Все, как положено: в форме, касках, с автоматами. Они, якобы, его тоже заметили и даже пару раз шарахнули по нему из автоматов. Дедок, понятно дело, дал деру. Хотя ему лет восемьдесят было.

— Ну и... — нетерпеливо кивнул Климов.

— А, что ну и?.. — засмеялся Сергей. — Сам-то как думаешь?

Климов пожал плечами. А Сергей спокойно продолжил:

— Участковый посоветовал ветерану пойти домой и проспать. А заодно и пригрозил, что в следующий раз, по законам военного времени, расстреляет как паникера. Посмеялись дружно над дедком, да и забыли эту историю. А через месяц в лесу пропала компания подростков — два парня, две девушки. Лет по шестнадцать-семнадцать. Они из Ихтинска в лес на пикник поехали. На следующий день родители спохватились — детей нет, кинулись в милицию. К поискам, понятное дело, приступили только дня через три — загуляли, мол, переростки ваши, вернутся, когда водка кончится. Ну, в общем, собрали народ, решили лес прочесывать, а тут смотрят, — девчонка бежит. Вся в грязи, от одежды одни лохмотья, плечо в крови. Рыдает, в истерике бьется. Успокоили, расспросили. Говорит: в лесу на них напали какие-то люди, вооруженные, в форме, говорят не по-нашему. Ос-

тальных ребят нашли уже под вечер мертвыми. Следствие установило, что пули были выпущены из немецких автоматов времен второй мировой. Сначала подумали на скинхедов — нашли, мол, оружие немецкое, форму, ну и бесчинствуют в лесах. Мало ли уродов?

— А потом?.. — спросил Климов.

— А потом завертелось... То немцев встретят, то татаро-монголов каких-то, а то и зверей невиданных. Тут-то и пришла наша очередь за дело браться. Вокруг зоны было возведено ограждение и установлены пограничные посты. Позже построили станцию слежения. Но, к сожалению, все не так просто...

Сергей замолчал, углубившись в свои мысли. Климов нетерпеливо ерзал на стуле, но торопить товарища не решался.

— Так вот... — восторженно воскликнул Сергей, — как объясняют работающие в зоне ученые, на этом месте периодически возникает пересечение нескольких временных отрезков. Иногда — двух, иногда — больше. В прошлом году выбросов из 1942 года было не так много. Зато сильно донимали татаро-монголы, да повадились бродить по лесу какие-то странные звери — не то собаки одичавшие, не то волки неизвестной породы. В этом году открылся и почти не закрывался канал в сорок второй... Зона не равномерна, в ней в случайные моменты времени возникают и угасают активные области. Иногда пришельцы появлялись всего на несколько секунд и спокойно возвращались «домой», даже не замечая, что побывали в двадцать первом веке. Но иногда визиты гостей затягивались на длительное время, создавая нам большие неудобства. Встречались и наши, и немцы, но и с теми, и с другими, как, впрочем, и со всеми остальными, приходилось поступать одинаково.

— В каком смысле одинаково? — насторожился Климов.

— Все очень просто, — сказал Сергей, — согласно принципу невмешательства.

— Невмешательства? — у Климова округлились глаза.

— Разумеется! Мы не имеем права воздействовать на прошлое. Никак! Даже в мелочах. Наша задача — блокировать пришельцев в зоне, лишь изредка помогая им вернуться в область активности. Иначе могут возникнуть изменения хода истории. Фантастику читал?

Климов растерянно кивнул, потом спросил, недоуменно глядя на Сергея:

— И немцам тоже помогаете?

— И немцам.

— Уговариваете, что ли? — усмехнулся Климов.

— Отпугиваем, — засмеялся Сергей. — Иногда сильно шуметь приходится. А вот наших действительно стараемся, как ты предположил, уговаривать. Есть специальные подразделения, которым разрешается входить в минимальный контакт с «гостями». Иногда бывает достаточно просто указать дорогу, но порой... — Сергей весело мотнул головой. — Месяца два назад... ну да в июне... прошел сигнал — «нарушение границы». Станция зафиксировала прорыв из тринадцатого века. Выходим в зону, смотрим — что такое? Татарин на коне сидит и саблей размахивает, злющий такой.

Орет чего-то. А у дерева — лейтенантик молодой из сорок второго. Бледный, как смерть. Еле успели татарина поймать...

— Отпустили?..

— Татарина-то?

Климов кивнул.

— Отпустили, конечно! До активной области дотащили и отпустили. Я потом целый час из душа не вылезал.

— А лейтенант?

— Они к нам на полutorке ввалились. Хорошо еще, что недалеко от активной области отъехать успели. Станция их идентифицировала, когда мы уже в пути были, вот нас и не успели предупредить.

— Почему не успели, а рация? — удивился Климов.

— Стандартно мыслишь... Рации у нас, конечно же, всегда с собой, да вот только работают они с большими перебоями — активные зоны мешают. Сергей внимательно посмотрел на Климова и спросил:

— Ну что, в общих чертах понятно?

Климов пожал плечами:

— В общих чертах... Интересно все это: дыры во времени, активные области, только...

— Что только?

— Ну, не знаю, это все... как прогулка развлекательная, что ли. Отпугнули немцев, поговорили с нашими...

Сергей опустил глаза, задумчиво поводит пальцем по столу.

— Со дня развертывания пограничных застав, — тихо сказал он, — в зоне погибло тридцать пять человек... — Климов вздрогнул. — Еще восемь ушли в зону и не вернулись — просто исчезли, провалившись в активную область. У троих — жены. Ждут. Вот тебе и прогулка...

Ивушкин сидел в блиндаже и при свете керосиновой коптилки вытаскивал из подошвы сапога длинный кривой гвоздь. Клещи были ржавые, с длинными ручками. Гвоздь не поддавался.

— Лейтенант! — раздался снаружи недовольный окрик. — Уснул, что ли? К командиру, живо!

Натягивая на ходу сапог — проклятый гвоздь так и остался в подошве, — Ивушкин бросился к выходу. Выкатился наружу, упал под дружный хохот сидящих в кружок бойцов. Щурясь от яркого дневного света, вскочил на ноги, чувствуя, как по лицу разливается краска.

— Но-но! — пальцем пригрозил бойцам пожилой старшина и, обернувшись к Ивушкину, сказал: — Извините, товарищ лейтенант. Не со зла они...

Ивушкин расстроено махнул рукой и быстрым шагом пошел к командирскому блиндажу.

Подполковник Седых молча выслушал доклад о прибытии, рассматривая Ивушкина из-под густых, как сапожные щетки, бровей. Кивнул на деревянную лавку — «садись».

— Прочитал я твой рапорт, — хмуро начал он и поддел пальцем лежа-

щий на столе лист бумаги. — Все правда?

Ивушкин вскочил с лавки, выпучив глаза:

— Товарищ подполковник!

— Сядь, — успокаивающим тоном сказал Седых. — Такого наворотил, хоть в газету... Хотя нет, только газеты тебе и не хватало!

Было видно, что Седых борется с сомнением, не зная, как реагировать на странный рапорт лейтенанта. Обстановка на фронте была тяжелой, недавно поползли слухи о скором отступлении. Поговаривали о частых вылазках немецких диверсантов. Контрразведка буквально села на голову, отвлекая силы на прочесывание леса и другие задания.

— Ты знаешь, куда я обязан отправить эти ваши писульки?! — раздраженно крикнул Седых, хватая в кулак рапорт. Ивушкин быстро кивнул. — А ты понимаешь, что они там с вами сделают? — Командир швырнул смятый листок на стол. — И со мной тоже...

Ивушкин опустил глаза.

— Самолет без крыльев он видел, тарелки на крыше, татарина на лошади... Змея Горыныча о семи головах ты не видел?

Лейтенант покачал головой, словно командир и впрямь ожидал от него ответа.

— Послушай, лейтенант, то, что ты про встречу с незнакомыми людьми сразу доложил — это правильно. Хвалю. Только вот, сам понимаешь, рапорт твой... Какой-то он не военный, слов в нем лишних много. Подправить его надо. Ты меня понимаешь?

— Понимаю, товарищ подполковник, — с готовностью закивал Ивушкин.

— На фронте ты недавно. — У Ивушкина порозовели щеки. — Всякое могло померещиться. Тем более в лесу, утром...

— Да, я понимаю, — повторил лейтенант.

— Ну, вот и хорошо, что понимаешь, — Седых сдвинул рапорт на край стола, тяжело вздохнул. Потом очень серьезно посмотрел на Ивушкина и добавил мягко, совсем не по командирски: — Время сейчас тяжелое, сынок. Война. Люди злые стали, порой свой своему — хуже врага. Так что ты лучше помалкивай...

— Товарищ подполковник... — смущенно дергая себя за ремень, сказал Ивушкин. — Спасибо вам...

— Ладно, — махнул рукой Седых. — Иди. С Ерохиным я сам поговорю.

— Есть, — ответил Ивушкин. Он развернулся и хотел было выйти, но Седых окликнул его:

— Погоди. Забыл я совсем... — Он вышел из-за стола. — Сегодня ночью к нам пополнение прибыло. Радистку новую нам дали, Анастасией зовут, кажется. Молодая. Девчонка совсем. Ты ей покажи, что у нас да как, чтоб не совалась, куда не следует. В общем, помоги. На третьей батарее она. Иди. Только чтоб мне без глупостей! — прокричал он вслед.

Анастасию Ивушкин нашел в медсанбате. Медсестра Соня — немолодая, болезненно худая девушка — что-то оживленно рассказывала ей, старательно помогая себе руками.

— Здравия желаю! Лейтенант Ивушкин, — по-военному представился лейтенант и, смутившись под немного насмешливым взглядом девушек, добавил: — Николай Николаевич.

— Сержант Мешкова, Анастасия Александровна, — в тон ему ответила Настя и весело приложила руку к новенькой пилотке. — Слушаю вас, товарищ лейтенант.

В ее черных глазах промелькнул лукавый огонек. Прядь темных волос задорно выглядывала из-под пилотки. Ивушкин замер как вкопанный, забыв даже ответить на приветствие. Соня криво усмехнулась и покачала головой.

— Я... то есть меня... В общем, мы с вами... — пролепетал Ивушкин, давась собственными словами.

— Ну, прямо-таки сразу «мы с вами...», — резко сказала Соня и искусственно засмеялась.

Ивушкин демонстративно отвернулся от Сони и сообщил Насте:

— Мне командир полка приказал помочь вам, показать тут у нас все, и вообще...

Настя приветливо улыбнулась.

— Вот только давай без «вообще»! — не унималась Соня, ревностно оттирая несчастного лейтенанта от новой подруги. — Все вы на одно лицо!

— Да ладно тебе, Сонечка, — сказала Настя. — Ну что ты на человека набросилась. Спасибо вам, товарищ лейтенант, — обратилась она к нему. — Мне Сонечка почти все уже рассказала, — Соня победно сложила руки на груди. — Разве что... проводите меня, пожалуйста, до штаба, хорошо?

От этого неуставного «хорошо» у Ивушкина по спине пробежали мурашки. Он быстро закивал, схватил Настин вещмешок и засуетился, уступая ей дорогу...

До штаба они шли почти полчаса — по дороге Ивушкин все же решил показать Насте расположение полка. Солнце уже клонилось к западу. Вечерний воздух был наполнен беззаботным перезвоном сверчков и запахами трав. Дышалось легко. Казалось, что нет никакой войны, боли, страха, смерти...

Он рассказывал ей о Москве, об институте, который пришлось бросить, чтобы попасть на фронт. О стариках-родителях, которые ждали его дома, о старшем брате, который воевал на Северном флоте. Она вспоминала родной Воронеж, подружек, маму. Им было легко и беззаботно вдвоем, будто они знали друг друга много-много лет и снова встретились после короткой разлуки.

С грохотом проехала машина. Они едва успели отпрыгнуть на обочину. Водитель прокричал что-то, грозя кулаком. Они переглянулись и весело рассмеялись.

— Вот и штаб, — сказал он.

— Спасибо, товарищ лейтенант.

— Коля... Мы же договорились.

— Здесь вы — товарищ лейтенант, — заговорщицким шепотом сказала она.

— Может быть, завтра мы... — начал он.

— Или после войны... — глядя на него грустными глазами, немного нараспев сказала она. — До свидания, товарищ лейтенант.

— До свидания, товарищ сержант.

Она вошла в блиндаж.

— До свидания, Настя, — прошептал он.

На следующий день Ивушкина отправили в штаб армии.

Прибыв туда в десять утра на знакомой полуторке, он до самого вечера промаялся во дворе старой школы, ожидая нужных ему людей. Ерохин, не тратя понапрасну времени, спал в кабине.

Назад выехали только в восьмом часу. Пыльная дорога петляла вдоль поля, огибая неглубокие овраги. На той стороне виднелись серые крыши деревенских домов. Проехали железнодорожный разъезд. Ивушкин сидел в кабине и клевал носом под мерное гудение двигателя.

Машина уже подъезжала к лесу, когда из облака вывалилась шестерка «мессеров» и, снижаясь, пошла в сторону железнодорожной станции. Ерохин выругался. Ивушкин вздрогнул и открыл глаза, наклонился, всматриваясь в небо через узкое лобовое стекло. Он увидел, как от группы отделился один самолет и, развернувшись, пошел вдоль дороги прямо навстречу их машине.

— Мать твою! — снова закричал Ерохин, яростно выруливая на обочину. — Прыгай!

По дороге в два ряда запрыгали пылевые фонтанчики; застучало свирепо и пугающе. Самолет с ревом взмыл вверх, не долетев до машины всего несколько метров.

«Пронесло!» — успел подумать Ивушкин, как вдруг короткий противный свист резанул по ушам, вызывая дрожь, и оборвался оглушительным взрывом. Столб черной земли взметнулся к небу под самым капотом машины...

Очнулся Ивушкин только в госпитале. Осколками ему порвало левый бок и ногу выше колена. Он потерял много крови, провалявшись среди дымящихся обломков грузовика до глубокой ночи. Его подобрала проезжавшая мимо машина. Ерохин погиб.

В госпитале Ивушкин пролежал полтора месяца. После выписки он на попутке отправился в полк. Удивительно, но часть находилась на прежнем месте. Только теперь с другим командиром — подполковник Седых погиб в бою.

«Не уберегли!» — со злобой подумал Ивушкин, ему было жаль командира.

Когда он стал расспрашивать о Насте, никто не мог ничего ему объяснить. Кто-то говорил, что видел ее в штабе дивизии, кто-то утверждал, что ее перевели в другую часть. Больше ничего.

Ранняя осень выдалась холодной и дождливой. Рваные облака гусиными клиньями неслись на юг, подгоняемые северным ветром. Блиндажи заливало дождем, промокшее обмундирование источало запах гнилой картошки. Полк, в котором служил Ивушкин, передислоцировался на северо-

восток и занял позиции недалеко от захваченного немцами города Ихтинска. Ивушкину приходилось бывать в этих местах — где-то здесь в начале лета они с Ерохиным и повстречали тех странных ребят в камуфлированных комбинезонах.

Как-то поздно вечером Ивушкина вызвали в штаб. Разведчики приволокли языка. Это был молодой, до смерти перепуганный офицер. Он сидел на табурете со связанными за спиной руками и озирался по сторонам, левый глаз у него дергался от нервного тика. Под правым красовался здоровенный синяк. Очевидно, разведчики не нашли другого способа его успокоить. Ивушкину почему-то стало жалко этого измученного, перепачканного грязью немца. Но он решительно отогнал это неуместное чувство.

— Вот, брат, твой клиент, — похлопал Ивушкина по плечу начальник штаба. — Ты ж по-немецки шпрехаешь?

Ивушкин кивнул и встал рядом с начальником штаба — сесть ему так и не предложили.

— Ценный экземпляр! — сказал майор. — Порученец при штабе дивизии.

— Федьку из-за него убили... — с ненавистью прохрипел сидящий в углу капитан-разведчик.

Допрос пленного продолжался почти два часа. Немец, бросая испуганные взгляды в сторону капитана, безоговорочно рассказал все, что знал о своих частях, державших оборону под Ихтинском, продиктовал звания и фамилии командиров и даже подробно объяснил, как найти дом, в котором разместился командир дивизии. Под конец он с надеждой посмотрел на Ивушкина и спросил:

— Ведь меня не расстреляют? Верно?

Ивушкин перевел.

— Что-нибудь еще хотите рассказать? — спросил начальник штаба, не отвечая на вопрос.

Немец пожал плечами, потом вздрогнул, будто вспомнив что-то важное, и затараторил, глотая от возбуждения слова, так что Ивушкин едва успевал переводить. Когда рассказ пленного начал вырисовываться в более или менее ясную картину, Ивушкин вдруг замолчал и только внимательно слушал, впиваясь в немца взглядом.

— Эй, лейтенант! — услышал он как сквозь сон. — Слова, что ли, забыл? — начальник штаба тряс его за руку.

Ивушкин справился с подступившим к горлу комом, оглянулся.

— Товарищ майор, — начал наконец он, — немец говорит...

Немец рассказывал, что несколько дней тому назад контрразведка вермахта вычислила работающую в Ихтинске русскую разведгруппу. Двое погибли в перестрелке. Радистку — молодую девушку, действующую под видом фабричной служащей, схватили агенты гестапо. Под пытками она призналась, что ее настоящее имя — Анастасия. Больше от нее ничего не добились. На вторник была назначена публичная казнь...

— Не лезь не в свое дело! — брызгая слюной, орал командир полка.

— Это мое дело, товарищ командир! — едва сдерживая предательски

подступившие слезы, твердо ответил Ивушкин.

— Молчать! Под трибунал захотел?! Пошел вон отсюда!

— Товарищ полковник...

— Я сказал — пошел вон!

Ивушкин приложил руку к пилотке и повернулся кругом. Губы дрожали.

— Ты хоть понимаешь, что это такое — к немцам прямо в логово лезть? — уже спокойно сказал командир.

Ивушкин быстро повернулся к полковнику:

— Я смогу...

— Нет, сынок, — отмахнулся от него командир, — разговор окончен.

Ивушкин выскочил из командирского блиндажа, трясая от бессильной злобы. «Настя! Там Настя, — думал он. — А я тут...»

— Она тебе кто?.. — голос прозвучал из темноты.

— Кто здесь? — выдохнул Ивушкин.

Чиркнула спичка, осветила усатое лицо. Командир полковой разведки — капитан Сирень — прикурил папиросу. Подошел ближе.

— Я спрашиваю: кто она тебе?

Ивушкин покачал головой:

— Никто, просто...

— Давно знакомы?

— Один день... Полтора месяца назад.

— М-да, — сказал Сирень. — Выходит — любовь с первого взгляда.

Ивушкин ничего не ответил, только мотнул с досадой головой.

— Командир не разрешил?

— Нет.

— А сам-то не боишься?

Ивушкин встрепенулся, заговорил быстро-быстро, прижимая к груди пилотку:

— Не боюсь, товарищ капитан! Мне обязательно надо туда пойти! Вы ведь пойдете? Вы же не бросите ее?

— Не бросим, — сказал капитан. — И люди, хорошо знающие немецкий, нам тоже нужны. Только...

Ивушкин приблизился к капитану, сказал решительно и твердо:

— Я не подведу.

Сирень окинул его оценивающим взглядом, затянулся папиросой:

— Я поговорю с командиром...

Они выехали поздно ночью. Втроем.

Инструктируя Ивушкина, Сирень сказал:

— Запомни, Коля, вся операция построена на наглости. Исключительно на наглости! Времени на детальную проработку нет. Спасибо армейской разведке — помогли с документами и легендой. Одна секунда заминки, одно неверное слово или даже взгляд — и все! Понимаешь?

— Понимаю, — решительно ответил Ивушкин.

Перед рассветом они оставили старенький «опель» в кустах у реки. Моросил дождь. Переоделись в немецкую форму, еще раз проверили документы.

— Все помнишь? — шепнул Сирень. Ивушкин кивнул.

Капитан посмотрел на Сорокина.

— Все в порядке, командир, — тихо ответил тот. — Не в первой.

— Сплюнь!

Сплюнув, Сорокин завел машину и вывел ее на дорогу.

— Давай! — скомандовал Сирень.

Когда они подъехали к городу, было уже совсем светло. На въезде у них проверили документы. Сирень коротко переговорил с часовым. Тот кивнул и открыл ворота — легенда работала.

«Опель» поднялся в гору и поехал по улице, ведущей к зданию бывшего клуба, где, по словам пленного немца, держали разведчицу. По причине раннего утра возле здания никого не было. Только у дверей стоял одинокий часовой.

Все остальное для Ивушкина прошло как в тумане. Он остался в машине. Сирень взял портфель, и они с Сорокиным пошли к зданию. Сирень показал часовому пропуск, тот вытянулся по струнке, пропуская их внутрь. Несколько минут ожидания показали Ивушкину часом. Он сидел на заднем сиденье, сжимая в руке пистолет.

От глухого взрыва из окон посыпались стекла. Пора! Часовой дернулся и скинул с плеча автомат. Ивушкин вскинул руку и два раза выстрелил, часовой упал. Внутри здания раздались автоматные очереди. Взыла сирена. Ивушкин выскочил из машины и подбежал к двери. Буквально через секунду она распахнулась. Сирень был без фуражки, с немецким автоматом. Сорокин нес на руках Настю, она была без сознания. При виде ее лица у Ивушкина заньло сердце.

Из-за угла показали солдаты. Пять или шесть человек. Сорокин бросился к машине, Сирень с Ивушкиным открыли огонь.

— В машину! — скомандовал Сирень.

«Опель» взревел двигателем, Ивушкин на ходу запрыгнул на заднее сиденье, прижал к себе Настю. Машина рванулась и понеслась по улице. Сзади сухо защелкали выстрелы. Настя открыла глаза и, не моргая, долго смотрела на Ивушкина, пытаясь понять, что происходит. Потом она улыбнулась и что-то сказала, он не расслышал. Обернулся назад. Большая грузовая машина в плотном облаке пыли мчалась за ними.

— Погоня, командир! — закричал Ивушкин.

— Держи! — Сирень перекинул назад автомат. Ивушкин развернулся, лег грудью на спинку сиденья и начал стрелять.

Сорокин гнал машину на пределе возможностей. Миновали мост, впереди — всего в каких-то пяти сотнях метров — чернел спасительный лес. Грунтовая дорога почему-то резко заворачивала вправо, делая большую петлю.

— Срежем! — закричал Сорокин и, свернув с дороги, погнал машину к лесу прямо через луг...

В первый же выходной Климов поехал в город. Строго говоря, Ихтинск трудно было назвать городом: узкие, заросшие бурьяном и дикими яблоня-

ми, улочки с рядами однообразных домиков, полчища кур и индюков, на перекрестках — водопроводные колонки-башенки с длинными рычагами и крючками для ведер. В центре города — старинная, вся в строительных лесах церковь. Чуть поодаль, на крошечной площади — засиженный голубьями памятник Ильичу.

Климову был нужен телеграф, он собирался позвонить домой, успокоить родителей. С мобильной связью в Ихтинске было все в порядке — о ней там просто никогда не слышали. А может быть, мешала зона. Быстро сообразив, что все улицы города радиально разбегаются от центра к окраинам, Климов пошел по одной из них. Местные жители — на удивление степенные и приветливые люди — вежливо здоровались с ним и с удовольствием показывали дорогу. Только у маленького магазина прямо на земле сидел пьяный мужик и грязно матерился, стараясь быть услышанным как можно большим числом земляков.

Телеграф отыскался быстро — все там же на центральной площади, рядом с гастрономом, милицией, зданием мэрии и краеведческим музеем. Казалось, вся жизнь городка была сконцентрирована в одном месте. Оставалось только удивляться, как на такой маленькой площади помещается столько зданий.

Позвонив родителям, Климов зашел в небольшое уютное кафе, притаившееся в тени трех плакучих ив. По причине теплой осени столики еще не убрали в помещение. Климов сел за один из них. Почти сразу, сексуально шурша накрахмаленным передником, к нему подбежала полненькая официантка.

— Чего заказывать будем? — спросила она, кокетливо улыбаясь.

Климов попросил принести ему пива и фисташек. Фисташек не оказалось, и он согласился на предложенную воблу.

Климов сидел, потягивая из кружки холодное пиво, и наслаждался свободным временем. Его рыжие вихры весело золотились в лучах осеннего солнышка.

— Разрешите присесть рядом с вами? — услышал он хрипловатый голос. Сухенький старичок с кружкой пива в руке стоял у столика, опираясь на палочку. Свободных мест было много, но, видимо, старичку очень хотелось поговорить.

Климов кивнул, отодвигая очистки от своей воблы.

— Пиво сегодня хорошее, — традиционно начал старичок и улыбнулся беззубым ртом.

— Хорошее, — согласился Климов.

— А денек-то какой!

— Прямо-таки лето...

Удовлетворенный тем, что его беседу поддерживают, старичок придвинулся ближе:

— Меня Никитичем зовут... Иван, значит, Никитич. А вы, я смотрю, вроде как не из местных?

— Да, я служу здесь, в военной части, — штатной легендой ответил Климов.

— О-о! Офицер, значит, — уважительно протянул старичок.

- Звать-то как?
- Андрей.
- Сам-то откуда будешь?
- Из Москвы.

Старичок кивнул, отпив пива.

— А я всю жизнь здесь живу, почитай восемь десятков безвыездно. И в войну здесь мы жили, вон там, на Крапивной, второй дом от огородов. Когда немцы в сорок втором город заняли, мне как раз двенадцатый годок пошел. С матерью мы тогда жили, отец и старший брат воевали уже. Погибли оба...

Старичок задумался, глядя в свою кружку. Потом встрепенулся и продолжил:

— Страшные были времена, сынок. Голод. Летом-то сорок второго немец все станцию бомбил, удержу никакого не было. А по осени фашисты и вовсе город заняли.

Климов слушал старичка, время от времени вежливо кивая. Ободренный вниманием нового человека, Никитич продолжал:

— Мы с пацанами бегали к мосту смотреть, как немцы в город въезжают. Наших-то тогда уже в городе не было — Ихтинск наш решено было сдать. Видать, у командования задумка такая была, иначе бы не пустили немца-то. Как Кутузов Москву-то сдал, а потом...

Никитич сделал большой глоток, утерся рукавом.

— Мы с пацанами собирались немецким машинам колеса прокалывать — дома заточки делали. Мать нашла, так всыпала мне, что потом три дня сидеть не мог. Немцы-то они не посмотрели бы, что пацан. А совсем страшно стало, когда они разведчицу нашу поймали...

— Разведчицу? — удивился Климов.

— Да, — грустно сказал Никитич. — Разведчицу. Потом, кажись, в сорок четвертом, об этом даже в газете писали. Втроем они работали: двое мужчин и она — девка молодая. Она у них радисткой была.

Старичок опять замолчал.

— А дальше что? — спросил Климов, заинтересовавшись рассказом.

— Дальше-то? — очнулся от своих мыслей Никитич. — Поймали их, вычислили как-то. Мужиков-то сразу убили, когда те отстреливаться стали, а ее, милую, живьем взяли. Они ее вон там, — он показал рукой на одну из улиц, — в клубе, в подвале держали. Пытали, говорят, сильно, сволочи. Да так ничего и не добились. Наш человек-то — кремень, не смотри, что девка молодая. Да... А потом эти изверги по городу объявления развесили, — во вторник, мол, казнить шпионку будем. Всем велели на площади собраться, страху нагнать хотели, — старичок неожиданно громко ударил кулаком по столу. — Только наши своих не бросают! В понедельник утром слышим — что такое? — шум, пальба, взрывы. Мать меня спрятала, я так ничего и не увидел. А потом люди рассказывали: трое наших, переодетые в немцев, пробрались к клубу, да и устроили фашистам светопреставление. Дверь в подвал взорвали, девчонку в охапку схватили, да и в машину. Немец человек двадцать положили...

— Ну и как, спасли девушку? — нетерпеливо спросил Климов.

Дедок грустно покачал головой:

— Вот ведь порой как судьба оборачивается. Они, родимые, в машину прыгнули — маленькая такая машина, командирская, без крыши — да и погнали к лесу. Немцы очухались и за ними. На грузовике с солдатами. Наши по лугу к лесу гнали. Дорога там направо заворачивает, вроде как в объезд. Водитель-то, видно, места наши не знал, вот и поехал прямо. Срезать хотел...

— И что?..

— Да овраг там глубокий, черт его раздери! — воскликнул Никитич. — Вот они, родимые, в него-то и угодили. Водитель, говорят, погиб сразу, остальные поранились сильно. Потом немцы подъехали... Постреляли их. Сейчас там памятник стоит, видал?

— Видел, — кивнул Климов.

— Вот такая, сынок, история. Да, воевали люди, царствие им небесное... — у старика на глазах заблестели слезы.

Климов расстался с Никитичем только под вечер. Он решил не ждать попутку, а спустился к реке, искупался и не спеша пошел через луг. Когда он подошел к первому КПП, уже начало смеркаться. Часовой тщательно проверил документы и пропустил Климова. На маленьком табло светились три красные лампочки — уровень активности зоны выше среднего. Климов махнул часовым и пошел по дороге. До второго пояса ограждений оставалось минут пятнадцать.

Он вышел на открытый участок, широким клином разделяющий лес на две части. Узкая грунтовая дорога шла от вершины этого клина и терялась вдаль. Где-то там, за бугром был Ихтинск.

Вдруг, словно порыв ветра окатил его холодной волной. Перед глазами скользнула и тут же исчезла матовая пелена. Казалось, солнце одним прыжком перескочило на другую сторону неба. Он осмотрелся — листья на деревьях не колыхались. Было тихо. Просто как-то сразу, резко стало прохладнее. Повеяло сыростью. Климов прошел еще несколько шагов. В душу закрадывались нехорошие предчувствия. Прислушался. С северной стороны приближался какой-то мерный гул, надсадное жужжание.

Он раздвинул ветви и вышел к оврагу. Что-то настораживало, не давая сосредоточиться. Чего-то не хватало в этом простом и уже хорошо знакомом ему пейзаже. Вот только чего? Он вздрогнул... Стела! Вот чего не хватает! Возле заросшего бурьяном оврага не было стелы с красной звездочкой на остроконечной вершине. Не может быть!..

Жужжание приближалось. Климов впился взглядом вдаль. Темно-зеленый «опель» с открытым верхом мчался по дороге в сторону леса. В двух-трех километрах за ним, в облаке желтой пыли, виднелась грузовая машина с брезентовым тентом.

Он понял все. Все и сразу, словно открылось шестое чувство. Сердце застучало часто-часто.

«Только без паники! — успокаивал он себя. — Все под контролем!»

«Но так не может быть! Так не бывает!» — подсказывало рациональное мышление.

«Здесь может быть все!» — отвечал он себе.

— Принцип невмешательства... — сказал он вслух, не замечая, что разговаривает сам с собой. — Мы не имеем права вмешиваться в ход истории!

Машина с беглецами была уже совсем близко, Климов даже видел лица сидящих в ней людей. За рулем сидел крепкий, не молодой на вид мужчина в серой немецкой форме, рядом еще один, за ними — двое, не разобрать... Кажется, один из них короткими очередями стрелял по приближающемуся грузовику.

Еще несколько секунд и... «Да овраг там глубокий, черт его раздери!» — вспомнились слова Никитича.

— Мы не можем вмешиваться! — заорал Климов.

«Опель» ускорил ход.

— Да что ж такое! — снова выкрикнул Климов и бросился вперед, наперерез машине. — Стой! Стой, дурак! — кричал он, размахивая руками. — Поворачивай!

Водитель заметил его, что-то прокричал сидящему рядом, тот направил на Климова пистолет... До машины оставалось не больше десяти метров.

— Поворачивай! — орал Климов водителю. — По-во-ра-чивай!

В какое-то мгновение ему показалось, что все кончено. «Опель» с ревом несся прямо на него. За секунду до удара Климов отпрыгнул в сторону, но водитель уже резко крутанул руль вправо. Машину занесло на повороте. Климова обдало пылью. Когда он поднялся на ноги, то увидел, что «опель» бешено несется по объездной дороге в сторону леса, оставляя страшный овраг позади.

Климов обернулся. Бежать было поздно — немецкий грузовик немного сбавил скорость, из приоткрывшейся двери высунулся офицер... Время стало вязким и тягучим. Немец вытянул руку. Черный «вальтер» зловеще блеснул в лучах восходящего солнца. Раздались три выстрела, один за другим...

Раскинув руки, Климов упал в траву.

— Принцип невмешательства... — прошептал он.

— Ох, бабуля, сколько слушаю твою историю, никак без слез не могу... Все так романтично!

— Что ты, внученька, не романтично — страшно тогда было. И жить очень хотелось. Молодые ведь мы с твоим дедушкой были, вот как ты сейчас.

Анастасия Александровна, весьма преклонных лет старушка, погладила внучку по голове.

— Ну, а все-таки, бабушка, откуда же тот паренек-то взялся?

— Не знаю, Настюша. Может, Бог его нам послал. Мы ведь с Колей только после войны все поняли... про овраг тот...

Девушка посмотрела на часы, спохватилась:

— Ой, бабуля, побежала я, ладно? А то на лекцию опоздаю, через полчаса переход через Сухаревку закроют. Я к тебе завтра приду.

— Беги-беги, Настенька, — закивала старушка и озабоченно добавила:

— Будь осторожна, сегодня в Москве активность — три с половиной...

— Ерунда! Ти-рексы весной не появляются, а татаро-монголы — народ пугливый... — улыбнулась девушка.

Настя вышла из подъезда. Небо было высоким и светлым, веселое солнце пускало зайчики в лужах на асфальте. Стрелки безопасного маршрута поблескивали свежей краской. Солдат на ближайшей вышке сосредоточенно прощупывал сканером Сухаревскую площадь. Где-то натужно выла сирена.

Респектабельного вида мужчина широко улыбался с огромного билборда, обещая к 2020 году очистить Москву от остатков зоны.

Настя поправила под курткой маленький дамский парализатор и направилась в институт.

Об авторе

Михненко Павел Александрович родился в 1969 году в городе Борисоглебске Воронежской области. В 1993 году окончил Тамбовское высшее военное авиационное инженерное училище. В 1998 г. — адъюнктуру в Военно-воздушной инженерной академии им. Н.Е. Жуковского. В настоящее время — начальник кафедры ВВИА им. Н.Е. Жуковского, кандидат технических наук, доцент, полковник. Преподаватель кафедры общего менеджмента Московской финансово-промышленной академии. Вышли в свет четыре книги в жанре деловой литературы: «Как я учился деловому общению», «Как стать успешным», «Секреты эффективных бизнес-решений», «Прикладные задачи менеджмента и маркетинга с решениями в MS Excel». В жанре фантастики опубликован рассказ «Взаимная выгода» («Техника-молодежи», № 2, 2008), готовится к выходу в журнале «Наука и жизнь» (№ 6, 2008) рассказ «Этикет».